

Теория словесности

Современная русистика

А ведь прошло всего-то сто с небольшим лет с того времени, когда вырослел Пришвин, до того безвременья, когда выросло поколение Y (родителей нынешних обучающихся — поколения Z¹)! Усадьбы, конечно, понемногу возрождаются после бурь двадцатого века, но о понятии усадебного воспитания в наш век что-то не слышно. «Современная русистика» тем не менее позволяет себе ностальгировать о чем-то вроде бы глубоко несовременном, о том, что Лев Толстой и Михаил Пришвин считали наиболее ценным в плане постепенного роста личности ребенка и выхода его в большой мир: тот опыт, который давала правильно устроенная усадебная жизнь (отношения с родителями, близость к природе, разностороннее воспитание). Разумеется, опыт был глубоко индивидуальным. Но разве это обязательно плохо? Путь к личности каждого не может не быть индивидуальным. И современный мир дает возможности такого индивидуального развития. Учтем же их.

В.Г. Андреева

Этапы взросления героя и усадебный топос в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь»

Творческое освоение наследия Л.Н. Толстого

Аннотация. Автором статьи рассматривается творческое освоение М.М. Пришвиным в романе «Кашеева цепь» художественных, психологических и философских открытий Толстого, впервые в русской литературе сумевшего полно и объемно показать два взгляда в одном произведении — взгляды взрослого и ребенка. В работе осмысляются особенности становления автобиографического героя Пришвина, как и толстовские персонажи проделывающего путь от своей усадьбы к большому миру. Иллюстрируется сложность и многоаспектность романа «Кашеева цепь», выражающего первостепенную ценность духовно-нравственной составляющей личности, ее правильного взаимодействия с обществом. Отмечается, что классовые и социальные проблемы у Пришвина второстепенны, что в основе его художественного мира, как и у Толстого, находится чуткое отношение ко всему живому и стремление к правде.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, Л.Н. Толстой, культура детства, становление личности, усадебный топос, родители, образ учителя, мотив путешествия, идея расширения жизни.

---

¹ Немного подробнее об этих поколениях см. предыдущий номер нашего журнала: Русская словесность. 2023. № 5. С. 16.

Для цитирования: Андреева В.Г. Этапы взросления героя и усадебный топос в романе М.М. Пришвина «Кашеева цепь» (творческое освоение наследия Л.Н. Толстого) // *Русская словесность*. 2023. № 6. С. 62-71.

Научная статья

УДК: 821.161.1.0

DOI: 10.47639/0868-9539_2023_6_62

Валерия Геннадьевна Андреева, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва, Россия.

Роман М.М. Пришвина «Кашеева цепь» до сих пор остается одним из самых малоисследованных произведений автора. Несмотря на тот факт, что «Кашеева цепь» занимает достойное место в ряду автобиографических повествований разных писателей, литературоведы до сих пор не обращали внимания на творческое освоение Пришвиным в этом произведении наследия русской классической литературы, преимущественно наследия Л.Н. Толстого. Отдельной проблемой, на наш взгляд, становится «расшифровка» и правильное понимание символики, мифопоэтических построений и аллегорий писателя, который, как справедливо отмечает И.А. Едошина, «скрывался в природе»: «Скрывшись в природе, как, например, Ахматова — в переводах, Лосев — в античности, Пришвин оказался свободным в условиях общественной несвободы» [Едошина, 2010, с. 125].

Глубинное понимание православных заветов и ценностей, воплощенных в произведениях Пришвина, открывается учеными-литературоведами только сейчас, спустя более полувека после смерти писателя, когда стало возможно осмысление образов Пришвина в проекции вечности. Так, Е.Ю. Кнорре отмечает, что в 1940–1950-е гг. в творчестве Пришвина «объединяются темы личного духовного пути в обретении подлинного дома и пути народа к осознанию единства мира», что в это время одной из главных тем Пришвина становится тема духовного домостроительства, осознания своего предназначения [Кнорре, 2021, с. 214–215].

Вместе с тем в романе «Кашеева цепь» автором значительное внимание уделяется проблеме духовно-нравственного становления личности, воспитанию ребенка и подростка, что делает это произведение актуальным и для современной педагогической системы. Мы имеем в виду не только удивительное образное постижение мира, характерное для его подрастающего героя Курымушки (отрывки из романа могут быть использованы при проведении уроков литературы), но и воплощение в произведении этапов становления личности. Так, В.М. Розин справедливо пишет, что на «Кашееву цепь» нужно смотреть глазами психолога; исследователь выделяет в романе основы, характерные для «культуры детства» и «становления личности». Ссылаясь на исследования Л.С. Выготского, он считает, что для «культуры детства» важно понятие «пра-мь» — общности ребенка и матери, «которая служит исходным пунктом дальнейшего развития сознания»: «Первое, что возникает в сознании младенца, может быть названо ближе и точнее всего, как “Ur-wir”, т. е. “пра-мы”. Это первоначальное сознание психической общности, которое предшествует возникновению сознания собственной личности (т. е. сознания дифференцированного и выделенного “я”» [Выготский, 1984, с. 305]. А «становлению личности», по мнению В.М. Розина, «способствует кардинальное изменение условий и способа жизни ребенка»: «В нашей культуре это обычно поступление в школу и требование со стороны взрослых действовать самостоятельно» [Розин, 2023, с. 87–88].

Становление автобиографического героя и его этапы; своеобразная полифония голосов в романе (восприятие ребенка и взрослого); жизнь в любящей семье и своем доме; усадебный быт; постепенное расширение сознания; изображение процесса обучения и учебного коллектива, сверстников героя и их взаимоотношений; наконец, потеря в раннем возрасте главным героем одного из родителей очень сближают роман Пришвина с автобиографической трилогией Л.Н.Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Среди упоминаний русских классиков в дневниках Пришвина наиболее часто встречается как раз имя Л.Н.Толстого: Пришвину было близко и дорого толстовское понимание мира, его правдивость и искренность, стремление к воссозданию в художественном произведении целостности бытия. 17 июля 1928 г. Пришвин записал в дневнике:

Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу [Пришвин, 1986, с. 191].

По нашему мнению, некоторые современные исследователи русской литературы XX в. порою упрощают глубину и сложность толстовского повествования, не находя в «естественности» нарратива классика философской глубины. Осмысление заметок Пришвина о Толстом и его произведениях показывает, что Пришвин понимал силу эпического таланта своего предшественника, видел за условной «простотой» его слов глубинную ра-

боту мысли и чувств. Например, В.Н.Чуваков, комментируя роман Пришвина, отметил:

Примыкая к таким классическим в русской литературе образцам «семейных жизнеописаний», как трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л.Н.Толстого, «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т.Аксакова, «Кашеева цепь» имеет и весьма существенное отличие от них. Это философский роман, в котором на первый план вынесена личность автобиографического героя, проходящего трудный путь познания себя и окружающего его мира [Чуваков, 1982, с. 639].

Однако данное рассуждение исследователя нуждается в коррективах и уточнении: роман Пришвина не только «примыкает» к биографическим жизнеописаниям с позиции изображения стадий взросления героя, но ориентирован на находки русской классической литературы, прежде всего Л.Н.Толстого, жизненные поиски его лучших эпических героев и, конечно, Николеньки Иртеньева. Писатель создавал «Кашееву цепь» как *философский роман* не в разрез с русской классической литературой, а творчески используя ее достижения.

Толстого и Пришвина, а также их автобиографических героев сближают прекрасное знание своего прошлого, гордость за род и желание оторваться от корней — не порвать с ними, но выйти в большой мир — стать максимально самостоятельными. «Оказывается, что не так-то легко оторваться от прошлого и объявить себя не связанным родом своим и племенем», — замечает Курымушка в «Кашеевой цепи» [Пришвин, 1982, с. 10]. Как у Толстого, так и у Пришвина отношение к земле и людям, усадебное прошлое во многом определяют путь лучших ищущих героев и содержание стадий их взросления.

После усадебного детства, полного чудесных видений, тайн, счастье которого не могли омрачить отдельные сложности, Михаил Алпатов отправляется в долгое путешествие, залогом успеха которого оказывается время, проведенное в родной усадьбе. В «Книге первой», носящей название «Курымушка», очень много значимых и ценных для автора и его автобиографического героя воспоминаний. Однажды в гости к Марии Ивановне приехали бывшие хозяева имения — генеральша, еще не старая женщина в золотых очках и ее молодая красавица дочь, прозванная Курымушкой Марьей Моревной. С одной стороны, перед нами детское восприятие, мышление схемами и метафорами, которые ребенок «изобретает или заимствует у взрослого, с целью понимания и разрешения встающих перед ним проблем» [Розин, 2023, с. 88]. С другой стороны, читатель понимает, что визит генеральши в имение позволяет не просто задуматься о судьбах людей, истории имения и дома, о многочисленных случаях перехода усадеб из рук родовых владельцев в новые руки, но об особой преемственности в целом и мелочах, которую невольно сохраняет Мария Ивановна, новая хозяйка имения. А гордая и экспансивная Марья Моревна по молодости еще не умеет жить в терпении и смирении, выражает всю суть жизни русской аристократии: «Ее бросает в разные стороны: то она цветами осыпает певцов, то вдруг окажется на ма-те-ма-ти-чес-ком, то в Италии, то доит корову у Толстого в Ясной Поляне. Все это от гордости: красавица, порода, а самого главного для жизни нет» [Пришвин, 1982, с. 44].

В отличие от бывших господ, Марию Ивановну автор-повествователь называет «серьезной хозяйкой» [Пришвин, 1982, с. 215]. Она правильно и мудро строит распорядок жизни семьи, доит собственных коров, учит своих детей. Пришвин показывает, как Мария Ивановна живо интересу-

ется общественными событиями, политическими новостями. Автор-повествователь «Кащеевой цепи» из-за невозможности указания прямых ориентиров вынужден «играть с читателем» — новости о государе и отношении дворянства к императору он называет не стоящими внимания серьезной хозяйки и возникающими из-за большой склонности к русской классике: «Трудно сказать, что подмывало такую серьезную хозяйку интересоваться новостью, не имеющей в повседневной жизни никакого значения. Вероятней всего, это вытекало из ее большой склонности к литературе» [Пришвин, 1982, с. 215]. Однако чуткий читатель Пришвина понимает, что всё дальнейшее повествование о жизненности классики доказывает обратное: интуитивно Мария Ивановна находила правильное руководство для жизни именно в заветах классиков: «Ученная на медные деньги, Мария Ивановна постоянно читала классическую русскую литературу — Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, а из иностранных — Шекспира, Диккенса и Сервантеса» [Пришвин, 1982, с. 215].

Конечно, и сам Пришвин ориентировался на векторы поиска и находки указанных писателей. Не случайно, делая отступление о читателе в главе «От автора» [Пришвин, 1982, с. 54–56], Пришвин заявил о правде, постучавшейся в роман: это один из важнейших толстовских мотивов. Именно правдивость, силу правды, позволяющей увидеть в произведениях Толстого настоящую жизнь, Пришвин ценил более всего. 5 сентября 1928 г. он записал в дневнике: «Произведения Толстого стремятся к правде. Каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена, как исследователем, например, железная руда» [Пришвин, 1986, с. 196]. А на закате жизни писатель порою ставил толстовскую силу правды даже выше ли-

Именно правдивость,
силу правды, позволяющей увидеть
в произведениях Толстого
настоящую жизнь,
Пришвин ценил более всего.
5 сентября 1928 г. он записал
в дневнике: «Произведения Толстого
стремятся к правде.
Каждая строчка Толстого
выражает уверенность,
что правда живет среди нас
и может быть художественно
найдена, как исследователем,
например, железная руда».
А на закате жизни писатель
порою ставил толстовскую силу
правды даже выше литературного
творчества.

литературного творчества. 12 июля 1953 г.
Пришвин отметил:

В лесу везде просеки со всех сторон
света сходятся к одному столбу. И от-
сюда лес виден далеко-широко-глубоко:
на север, на юг, на восток и на запад.
Так в истории русской правды сходятся
к Льву Толстому нравственные пути на-
шего русского общества: далеко видно и
глубоко. <...> Искусство у Толстого явля-
ется как бы слугой правды, образующей
поведение Толстого, искусство является
дивным примером возможности осуществ-
ления правды в искусстве, и этот маяк
еще долго будет светить нам вперед
[Пришвин, 1986, с. 648, 649].

Тема социального неравенства звучит
в романе Пришвина более всего именно
в толстовском ее понимании — искрен-
нем, непосредственном, не случайно это
восприятие преломляется через детский
взгляд. В «Кашеевой цепи» мы видим важ-
ное наблюдение маленького Миши Алпа-
това о том, что многие мужики меняются,

переступая через порог барского дома:
«Много думал об этом Курымушка, почему
такие бедные и несчастные мужики быва-
ют в доме, когда приходят за чем-нибудь
к матери, и самые веселые люди, самые
хорошие — на полях они — те же самые
мужики» [Пришвин, 1982, с. 23]. Куры-
мушка считает, что его мать боится мужи-
ков, на самом деле Мария Ивановна ува-
жает мужицкий труд, не хочет выглядеть
барыней: про себя она говорит в мужском
роде «сам», поскольку ведет всё хозяйство,
лишний раз не хочет раздражать крестьян
видом сословных различий, которые и
так вызывают массу проблем: Курымушка
недоумевает, когда мать приказывает за-
нести самовар с балкона в комнату, чтобы
чаепитие не было на виду у работающих
мужиков.

Считая усадебный образ жизни одним
из самых правильных, позволяющих по-
мещику заняться реальным трудом, а при
этом почувствовать силу земли, осознать
свою нужность, заняться преобразованием
владений, Пришвин в «Кашеевой цепи»
показывает процесс вырождения дворян-
ства. «Высшей безалаберностью» называет
мать Михаила Алпатова поведение Отле-
таевых, а мудрый крупчатник Семен Пар-
феныч Петров убежден, что «дворянство
свою кровь истратило, в этом разе не помо-
жет образование» [Пришвин, 1982, с. 218].
В день Марии Египетской на именины к
Марии Ивановне собираются самые раз-
ные гости, на примере которых Пришвин
мастерски показывает разделение дворян
по степени состоятельности в дореволюци-
онное время.

При описании усадебного топоса в ро-
мане используется прием визуализации,
когда уезжающий на учебу Курымушка
видит по пути разные усадьбы:

Изредка в безлесных полях, как
островок, показывалась усадьба с бе-
лыми каменными столбиками вместо
ворот. Очень странно думалось, глядя

на эти ворота: что, если заехать туда, будет казаться, будто много там всего и самое главное — там; а если выехать, то главное кажется тут, на большаке, этому конца нет, а усадьба — просто кучка деревьев [Пришвин, 1982, с. 57].

Автор оставляет впечатление маленького героя без комментариев, но подводит своих читателей к мысли о том, что усадьба сильна хозяевами, их позицией, взглядом на значимость и ценность усадебной жизни, то есть готовностью ее организовывать и поддерживать.

Кроме дворянского оскудения и обособления в романе «Кащеева цепь» воплощена трагедия русского крестьянства, желавшего земли и воли, но не научившегося видеть духовные смыслы родной земли, считающего ее исключительно объектом торга. Пришвин показывает своеобразный параллелизм поисков своего автобиографического героя и русских мужиков: если Михаил Алпатов жаждет открытия новых земель для расширения горизонта и кругозора, для обретения поистине целостного взгляда на жизнь на Земле, то мужики ждут «новой земли» (новых плодородных участков) для увеличения урожаев, улучшения достатка. Нельзя не согласиться с утверждением, что «извечная тяга к земле русского человека, его неудовлетворенность насущным и устремленность к недостижимому идеалу порождает мифологему *искушения землей*, которую художественно воплотили в своих произведениях Л.Н.Толстой и М.М.Пришвин» [Урюпин, 2019, с. 87].

Пришвин не выступает в роли судьи, принимая сторону мужиков или господ, он, скорее, созерцает все происходящее. В этом плане автобиографический герой романа «Кащеева цепь» напоминает Дмитрия Нехлюдова из романа Толстого «Воскресение», который жалеет о постепенном разрушении усадеб, их оскудении в связи с неспособностью мужиков

сохранить прежнее хозяйство. Автобиографический герой Толстого, как и сам автор, — сторонник американского политэконома Генри Джорджа. Герой Толстого идет по сложному пути совершенствования и преобразования, в финале романа писатель не случайно в сознании Нехлюдова сопрягает открывшийся ему здравый смысл человеческих взаимоотношений с притчей о виноградарях. Нехлюдов приходит к дорогой самому Толстому мысли о невозможности земли находиться в чьей-то собственности, у героя появляется не потребительское, а высокое отношение к земле как настоящему дому всего человечества и источнику жизни. Вслед за Толстым Пришвин сталкивается в романе два восприятия — детское, непосредственное, неиспорченное и восприятие взрослого человека, ошибающегося и в погоне за условными материальными ценностями забывающего о душе и духовном богатстве. В «Кащеевой цепи» Пришвин следовал за многими идеями и художественными открытиями Толстого: как и Толстой на рубеже XIX и XX вв., так и Пришвин уже в XX в., во многом оглядываясь назад, на прошедшую эпоху, время своей юности и молодости, приходит к выводу о том, что лучшей формой землевладения в России было усадебное, помещичье хозяйство, но при условии нахождения во главе его мудрого и рачительного, чуткого хозяина.

Как и Дмитрий Нехлюдов у Толстого, Михаил Алпатов отправляется в путешествие, только для последнего оно начинается еще в более юном возрасте. И Нехлюдов, и Алпатов отправляются в Сибирь: для Нехлюдова она становится итоговым пунктом на пути прозрения, а для Алпатова фактически открывает дорогу к расширению мира. И идейно, и композиционно Пришвин во многом ориентируется на Толстого и художественные миры его романов. Н.И. Лишова

В «Кашеевой цепи» Пришвин следовал за многими идеями и художественными открытиями Толстого: как и Толстой на рубеже XIX и XX вв., так и Пришвин уже в XX в., во многом оглядываясь назад, на прошедшую эпоху, время своей юности и молодости, приходит к выводу о том, что лучшей формой землевладения в России было усадебное, помещичье хозяйство, но при условии нахождения во главе его мудрого и рачительного, чуткого хозяина.

справедливо считает, что мотив пути в пришвинской наррации — сквозной, концептуальный: «Каждая минута вписана им в вечность, что помогало быть всегда современным» [Лишова, 2011, с. 50]. В одной из наших статей уже было указано на двойное понимание путешествия в романе «Воскресение» Толстого [Андреева, 2022, с. 23]. С одной стороны, с путешествием связывается мысль о легкой и беззаботной поездке куда-либо, предполагающей получение удовольствия. С другой стороны, путешествие предполагает мотив освобождения человека: это освобождение, в том числе и от ложных стереотипов, характерных для неправильного восприятия жизни, исправление ошибок отрочества и юности. В повести «Юность» Николенька Иртеньев более всего желает вернуться к детской чистоте и непосредственности, утраченным в ходе не совсем правильного пути становления героя. В романе «Воскресение» Толстого для Дмитрия Нехлюдова путешествие косвенно связывается с мотивом детской беззаботности — это точно такое же столкновение двух миров: испорченного и не-испорченного. Символичной в романе

оказывается игра племянников Нехлюдова в путешествие: «Сестра рассказала про детей, что они остались с бабушкой, с его матерью, и, очень довольная тем, что спор с ее мужем прекратился, стала рассказывать про то, как ее дети играют в путешествие, точно так же, как когда-то он играл с своими двумя куклами — с черным арапом и куклой, называвшейся француженкой» [Толстой, 1936, с. 322]. «Толстой показывает, что дети, правильно и искренне воспринимающие все окружающее, в отличие от взрослых людей, лишены сдерживающих их тягостных условностей: это позволяет им видеть радость жизни и целостность мира» [Андреева, 2022, с. 24].

Михаил Алпатов у Пришвина тоже настоящий путешественник. На первый взгляд, его поездки по России, а потом и за границу кажутся вызванными течением обстоятельств, необдуманно поступками и меняющимися взглядами, однако на самом деле Алпатов проходит в своих путешествиях сложные уроки, приближающие его к пониманию не сиюминутных и временных общественных веяний, но основополагающих законов жизни, по которым живут не только русские люди, но всё человечество.

Если говорить о смысле названия произведения, то «Кашеева цепь» у Пришвина — это, во-первых, собирательный образ социального зла, а во-вторых, условное обозначение всего дряблого, слабого, безвольного, что таится в душе человека и мешает ему выявить свое «я» [Чуваков, 1982, с. 639–640]. К этому определению можно добавить, что «Кашеева цепь» в романе Пришвина ассоциируется с узкоутилитарными подходами представителей разных классов и сословий, не готовых жить ради души. Именно такой образ жизни мужиков, тяготящий и разочаровавший человека, старалась описать Михаилу Алпатову Дунечка. 22 сентября 1916 г. При-

швин записал в дневнике важную мысль, четко поясняющую глубинное понимание им причин кризиса накануне революции в России:

Боже мой, что было бы на земле, если бы каждый сельский хозяин ясно и точно видел цель свою: свиную тушу и больше ничего. Не было бы Руссо, Толстого, Аксакова, русского мужика, старинных усадеб, воспоминаний, да, ничего бы не было: поели бы и еще откормили и еще поели, и так бы шло [Пришвин, 1986, с. 93].

В «Кашеевой цепи» Пришвин констатирует, что период упования интеллигенции на личный труд был быстро преодолен в связи со сложившейся обстановкой — полным обесцениванием усадебных мест, забвением самим русским народом тех усилий, которые были направлены на созидание усадебного мира.

Юный Михаил Алпатов заражается разными общественно-политическими идеями (народническими, марксистскими), но постепенно, по мере расширения сознания, преодолевает их. Идея путешествия, побега от реальности, сдерживающей человека в условных рамках, возникает у Алпатова очень рано. Читатель понимает, что перед Михаилом Алпатовым стоят вечные проблемы человеческого предназначения, поиска своего места среди людей, правильных взаимоотношений. Алпатову мало усадебного топоса, мало одного города и даже одной России, его тяга к открытиям сродни тому чувству, которое побуждало юного Толстого писать тетушке А.А. Толстой: «Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно!» [Толстой, 1949, с. 231].

Михаил Алпатов у Пришвина тоже настоящий путешественник. На первый взгляд, его поездки по России, а потом и за границу кажутся вызванными стечением обстоятельств, необдуманно поступками и меняющимися взглядами, однако на самом деле Алпатов проходит в своих путешествиях сложные уроки, приближающие его к пониманию не сиюминутных и временных общественных веяний, но основополагающих законов жизни, по которым живут не только русские люди, но всё человечество.

Одной из самых частых и распространенных оппозиций у Толстого было противопоставление жизни и отражений жизни. В романе «Кашеева цепь» Пришвин показывает разницу между живой жизнью, которая характерна для Алпатова, и «сухой жизнью», полной условностей и ограничений, сдерживающих развитие личности и осознание человеком своего предназначения. Образ «сухой жизни» лучше всего представлен в романе на примере описания учительниц-народниц, которые работают в музее, создают гербарий и сами постепенно засыхают: «Алпатов смотрел в микроскоп, потом гербарий, жуков, уродов в спирту, но в музее все было сухое, учительницы многие тоже уже совершенно засохли и сами годились в музей» [Пришвин, 1982, с. 191]. Образ учителя виделся Пришвину совсем не таким, функция учителя, по мнению писателя, заключается не в узком наблюдении за «засушенными» экспонатами, учитель — это человек, способствующий становлению личности и расширению жизни, но не с отказом от прошлого, а с глубинным аналитическим возвращением к исходно-

Функция учителя, по мнению писателя, заключается не в узком наблюдении за «засушенными» экспонатами, учитель — это человек, способствующий становлению личности и расширению жизни, но не с отказом от прошлого, а с глубинным аналитическим возвращением к исходному пункту развития, к осмыслению представлений о себе и мире.

му пункту развития, к осмыслению представлений о себе и мире. Именно поэтому думающего читателя романа «Кашеева цепь» поражает сопоставление понятий и масштабов: вместо Азии умирающий от чахотки друг Алпатов Жуков предлагает ему посмотреть альпийские растения на Галичьей Горке, находящейся всего за несколько верст.

Герою Пришвина, представителю лучшей части русской интеллигенции, необходимо было пройти большой и сложный путь, увидеть издали раскинувшуюся землю с островами имений, потом — гибель этих имений, чтобы далее возродить память о них в собственных произведениях. В стремлении к эпическому всеединству Пришвин в большой степени следует за Толстым. Очень примечательна запись Пришвина в дневнике от 11 ноября 1920 г., в которой писатель вспоминает,

ставя рядом, двух дорогих ему людей — мать и большого художника слова, на которого он старался равняться всю свою жизнь: «Вчера подул теплый ветер и растаяла зима. Черная оттепель. Темно, и белая мусть над бездною. Ужасный месяц: в такое время умер Толстой, мать умерла...» [Пришвин, 1986, с. 130].

Таким образом, можно сделать вывод, что в своем философском романе, романе становления героя «Кашеева цепь» Пришвин во многом ориентировался на находки Толстого, как художественные, так и мировоззренческие, педагогические. Усадебный топос в романе Пришвина и прозе Толстого неизменно связывается с образом земли и становлением личности — прохождением главным героем пути от детской непосредственности и искреннего восприятия мира через разочарование к новому уровню осознания жизни, сознательному возвращению к ее полноте и многосторонности. Мы постарались показать, что именно вслед за Толстым Пришвин использует в «Кашеевой цепи» схему взросления и становления героя, показывает важность образов дома, родителей, учителей. От социальных, классовых ограничений, национальной обособленности Пришвин, как и Толстой, выходит к идее бесконечного роста и совершенствования человека, его взаимодействия с миром и сохранения при этом детской чистоты и непосредственности как залога правильного понимания жизни.

Список источников

Андреева В.Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л.Н.Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 17–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26>

Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.

Едошина И.А. Толстой на страницах «Дневников» Михаила Пришвина // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 122–140.

Кнорре Е.Ю. «Китеж советского времени»: образ небесной коммуны в усадебном мире М.М.Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.) // Усадьба реальная — усадьба литературная. Векторы творческого преображения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 205–217.

Лишова Н.И. Мотив пути в романе М. Пришвина «Кашеева цепь»: композиционно-структурное своеобразие // Philologos. 2011. №1(8). С. 48–54.

Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 679 с.

Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 8. 762 с.

Розин В.М. Воспитание и детство героя Курымушки-Алпатова в романе Михаила Пришвина «Кашеева цепь» // Известия Российской академии образования. 2023. № 1(61). С. 85–99. DOI: http://10.51944/20738498_2023_1_85

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Художественная литература, 1936. Т. 32. 556 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Художественная литература, 1949. Т. 60. 565 с.

Урюпин И.С. Евразийский контекст мифологемы искушения землей в прозе Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина, А.И. Солженицына // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков. М.: МПГУ, 2019. С. 85–95.

Чуваков В.Н. Кашеева цепь. Комментарии // Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 638–664.

Валерия Геннадьевна Андреева,

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

lanfra87@mail.ru

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Stages of the Hero's Maturation and the Manor Topos in M.M. Prishvin's Novel «Kashcheyeva's Chain» (Creative Development of L.N. Tolstoy's Heritage)

Valeria Gennadyevna Andreeva, IMLI.

Abstract. The author of the article considers the creative development of M.M. Prishvin in the novel "Kashcheev's Chain" of the artistic, psychological and philosophical discoveries of Tolstoy, who for the first time in Russian literature managed to fully and voluminously show two views in one work — the views of an adult and a child. The work comprehends the features of the formation of the autobiographical hero Prishvin, as well as Tolstoy's characters, making his way from his estate to the big world. We illustrated the complexity and multidimensionality of the novel "Kashcheev's Chain", which expresses the paramount value of the spiritual and moral component of the personality, its correct interaction with society. It is proved that Prishvin's class and social problems are secondary, that at the heart of his artistic world, like that of Tolstoy, there is a sensitive attitude to all living things and a desire for truth.

Keywords: M.M. Prishvin, L.N. Tolstoy, childhood culture, personality development, manor topos, parents, the image of a teacher, the motive of travel, the idea of expanding life.

For citation: Andreeva V.G. Stages of the Hero's Maturation and the Manor Topos in M.M. Prishvin's Novel «Kashcheyeva's Chain» (Creative Development of L.N. Tolstoy's Heritage). *Russkaja Slovesnost*, 6, 2023, pp. 62-71.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования; принята к публикации 03.09.2023.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing; accepted for publication 03.09.2023.